

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор Института истории и
археологии Уральского отделения РАН,

д-р ист. наук, чл.-корреспондент РАН

И. В. Побережников

Отзыв ведущей организации

ФБГУН Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

на диссертационное исследование Дарьи Александровны Оксамитной

«Императорский двор Екатерины II как властный институт»,

представленное на соискание ученой степени

кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

Тема, выбранная Д. А. Оксамитной в качестве диссертационного исследования, имеет высокую степень актуальности и научной значимости уже в силу того, что относится к широкому проблемному полю исследований феномена власти. «Отношения властного доминирования пронизывают все сферы человеческой деятельности» (как замечал российский антрополог В. В. Бочаров), отсюда и власть как таковая – один из фундаментальных объектов социогуманитарных наук и стабильного общественного интереса.

В диссертации Дарьи Александровны власть имеет вполне определенные очертания: это императорский двор Екатерины II, который автор впервые в историографии (и, как представляется, не только в российской) рассматривает в качестве *цельного властного института*. В самой формулировке цели, явленной в названии научного труда и развернуто представленной в соответствующей части Введения (с. 20–21), заложена многомерность исследовательской программы, которую составила для себя диссертантка. Двор как один из центральных институтов в системе осуществления власти; двор как механизм формирования имперской государственной элиты; двор как сообщество со своими внутренними, формальными и неформальными правилами игры; двор как институт-посредник между общеимперской элитой и монархиней – любое из этих направлений могло

бы стать предметом самостоятельного изучения. Отмеченная многомерность потребовала от автора диссертации и широкой эрудиции, и четкого выбора и структурирования методико-методологической основы, без чего было бы невозможно достичь необходимой системности в анализе и подаче собственного материала. Во множестве теоретических подходов, перечисленных и охарактеризованных Д. А. Оксамитной на с. 31–32 Введения, такой основой, как представляется, вполне отчетливо читается неoinституциональный подход (если под последним понимать, в первую очередь, сфокусированность на динамическом взаимодействии формальных и неформальных правил, определяющих саму суть института). Именно он позволяет гармонично выстроить вокруг себя и традиционные институциональные методы изучения двора как учреждения – а русский императорский двор изучаемого периода вполне определенно являлся таковым – и методы, которыми пользуется «новая социальная история» с ее ориентиром на «антропологизирующий» подход в изучении социальной реальности. Поэтому совершенно уместными, осознанно выбранными и действительно применяемыми выглядят в диссертации и структурно-функциональный анализ, и теоретические наработки в области изучения клиентелизма, и методы элитологии, и просопографический метод, и т.п. Отметим, что далеко не каждая диссертация, представляемая на соискание ученой степени кандидата наук, отличается такой качественной теоретической проработкой.

Сама структура работы демонстрирует междисциплинарный характер исследования Дарьи Александровны, «пошагово» раскрывая многослойную суть императорского двора, демонстрируя, каким образом автор интерпретирует привлеченный эмпирический материал при помощи взаимодополняемого исследовательского инструментария нескольких социогуманитарных наук.

Первая глава – это исследование двора Екатерины II как сложившегося формального института со своей организационной структурой, штатом, бюджетом, с определенным функционалом внутренних подразделений и служебными обязанностями придворных чинов. Правда, этим сюжетам посвящено чуть менее трети главы (с. 64–74). Но поскольку императорский двор являлся одним из центров концентрации государственной (политической) элиты, начинается глава с рассмотрения проблемы формирования новой общеимперской элиты России в XVIII столетии, с анализа принципов рекрутирования кадров в общеимперскую элиту, важным механизмом чего, приблизительно, со времени царствования Анны Иоанновны, становится императорский двор, с выяснения роли двора как места взаимодействия государственной элиты с монархом (это самая большая часть главы: с. 43–64). Завершается же эта глава оценкой политического и культурного значения

двора в контексте общих перемен, произошедших в России во второй половине XVIII в. (еще, приблизительно, треть от всего объема: с. 74–86). Оправдан ли такой прием структурирования?

С одной стороны, он позволяет проследить *эволюцию* становления двора как нового формального института власти до правления Екатерины II; определиться с двумя важными вопросами: как потенциальные претенденты попадали в состав государственной элиты и какое место в государственной элите занимали придворные. Но с другой, как будто бы нарушает общий посыл, заявленный в названии главы: двор как институт власти, двор как учреждение. Ведь общая логика всей диссертации так и читается: от двора как *учреждения* – к двору как иерархически структурированной организации *людей* (собственно придворных) – и далее к двору как *сообществу*, функционировавшему в *сложной системе неформальных внутренних взаимосвязей* (вторая и третья главы). Поэтому, на наш взгляд, вопросы эволюции государственной элиты империи в до-екатерининский период и предыстория императорского двора как места взаимоотношений этой элиты с монархами-предшественниками Екатерины II – вопросы, безусловно, важные и интересно решенные автором – были бы вполне достойны самостоятельной главы, предваряющей главу о дворе как учреждении Екатерининской эпохи. Хотя, конечно, такое обособление данного сюжета потребовало бы более подробного его освещения и увеличения объема текста. Впрочем, высказанное не является упреком автору, а неким рассуждением, изложением возможного варианта структурирования материала, будь на месте диссертанта автор отзыва.

Вторая глава («Коллективный портрет придворных кавалеров Екатерины II и факторы карьерного успеха») является композиционно ключевой для исследования. В фокусе внимания оказывается круг лиц, которые, собственно, и составляли двор: придворные кавалеры от камер-юнкера и выше. Д. А. Оксамитная еще в первой главе оговаривает, что не является сторонницей расширительного толкования двора и не включает в него *всех* обладателей первых 5 классов Табели о рангах, обязанных вместе с семьями участвовать в придворных церемониях и праздниках (с. 65–66). Такое ограничение видится нам аргументированным. Именно эти люди – придворные по штату – ближайшие и повседневные спутники государыни, вошли в составленную диссертанткой базу данных, на основе которой она осуществила просопографическое исследование двора, проведя анализ материала по усредненным показателям и с применением когортного метода. База данных включила в себя 247 человек в разные годы тридцатичетырехлетнего царствования Екатерины Великой входивших в число придворных. Результаты количественного и качественного анализа дали надежную основу для ряда весьма интересных выводов.

Прежде всего отметим выявленную автором тесную связь между придворным статусом и государственной службой: большинство лиц, пожалованных придворным чином, получали назначения в центральные ведомства (Сенат, различные коллегии, в первую очередь – в Коллегию иностранных дел), в гвардию, а после реализации реформы местного управления – на руководящие позиции в местном аппарате (с. 103–104). Такая закономерность однозначно демонстрирует значимость императорского двора в официальной структуре коронного управления России изучаемого периода, роль двора как кадрового резерва для замещения наиболее важных должностей. Во-вторых, большой интерес представляет заключение диссертантки о том, что и в Екатерининское царствование не утратил своего значения меритократический принцип формирования верхнего слоя государственной элиты, заложенный Петром I. Хотя большинство придворных во второй половине XVIII в. – это отпрыски высокопоставленных отцов, служивших в первых 5 классах, процент дворян, взятых ко двору из менее элитных групп, оставался довольно высоким: от 36,5 до 42 (по когортам; с. 111). Это означает, что императорский двор был относительно открытым сообществом, и отбор придворных по личным качествам и заслугам не исключался. В-третьих, хотя знатное происхождение оставалось, зачастую, базовым условием для быстрого карьерного старта при дворе, «успешность дальнейшей службы после получения придворного звания совсем не было гарантировано» (с. 120). Скорость продвижения в чинах в перспективе оказывалась зависима от совокупности других обстоятельств, в ряду которых Д. А. Оксамитная указывает характер и качество образования (как его понимали в то время), назначение или не назначение придворного на важные посты в госуправлении (наиболее значимый критерий успеха, по мнению диссертантки) и, конечно же, личные отношения и лояльность (с. 132). Но поскольку, в любом случае, нахождение в штате двора давал высокие шансы на выстраивание наиболее блистательных карьер, значение придворной службы осознавалось знатью и после провозглашения Манифеста о вольности дворянства 1762 г.: процент отставок из придворного штата был крайне низок и не превышал 13%, да и то с учетом отставок в результате опалы.

Личные отношения и лояльность, упомянутые в качестве одной из констант успешной придворной карьеры, – так, если коротко, можно охарактеризовать центральную тему третьей главы диссертации. Она посвящена исследованию неформальных механизмов карьерного роста придворных кавалеров. В этой, наиболее «антропологической» главе, авторские изыскания выстроены вокруг анализа функционирования неформальных сетей доверия, а материал, полученный в результате составленной базы данных, подвергается не количественным, как в предыдущей главе, а качественным интерпретациям. Содержание

главы ясно указывает на то, что при екатерининском дворе «статус, материальный интерес, безопасность – все это в большей мере [оказывалось] связано с сетями клиентелы» (с. 154). В этом отношении русский императорский двор не представлял исключения в ряду дворов европейских монархий раннего Нового времени. Правда, Дарья Александровна указывает на одну особенность, присущую, по ее мнению, именно российской системе патрон-клиентских отношений: их жесткая привязка к месту службы. Если рассмотреть эту особенность через призму придворных сетей клиентелы, то она будет конкретизирована так: «... уволившись от службы и удалившись в свои имения», дворяне «... в большинстве случаев теряли влияние при дворе» (Там же). Но разве при других европейских дворах было иначе? И разве невозможность «быть представленным для оценки и апробации» качеств царедворца без протектирования (с. 155) не требовала физического пребывания при дворе в Петербурге также, как и в Версале, Лондоне или Вене? Даже направление в дипломатическую миссию за рубеж воспринималось, порой (и это отмечено диссертанткой) как удаление от двора, а значит как препятствие успешному карьерному росту в будущем.

Как и при других европейских дворах большое значение в системе неформальных отношений имели родственные связи, принадлежность к кругу семейств, на протяжении поколений имевших привилегию входить в придворный штат. При этом, как убедительно доказала Д. А. Оксамитная, брачные стратегии как элемент формирования родственных связей оказывали на карьерный рост не прямое воздействие. «Значимых связей, – пишет автор, – между карьерным продвижением и женитьбой не выявлено... Чаше... успешная карьера, образуя материальный и символический капитал, далее уже приводила к выгодному с точки зрения знатности или денег браку» (с. 163).

Наконец, бесспорной удачей исследования можно считать осмысление феномена придворных партий – одного из ключевых звеньев неформального функционирования любого, в том числе и Петербургского двора. Именно конфигурация придворных группировок являлась механизмом выстраивания баланса отношений как верхушки имперской элиты с монархом, так и отношений внутри самого придворного сообщества; могла влиять (и влияла) на проведение государственной внутренней и внешней политики. Особенностью екатерининского двора (во многом как следствие характера и мировоззренческих установок самой государыни) являлось «мягкое» балансирование между интересами дворцовых партий. Удаление от двора, блокирование влияния некогда могущественных фаворитов с их клиентелой, смена самих «партий» проходили без репрессий, а утрата политического значения, как правило, компенсировалась щедрыми пожалованиями денег, наград и крупных имений. При этом автор констатирует, что

устойчивость придворных партий во многом зависела от воли монархини; их оппозиционность (если таковую можно усмотреть, как, например, в действиях «панинской партии») никогда не заходила слишком далеко, а приверженцы тех или иных придворных групп влияния не всегда проявляли сплоченность и преданность бывшим лидерам и патронам, терявшим вес во внутриворцовых раскладах. Такого рода «гибкость» при смене покровителей входила в набор персональных тактик, определявших придворное поведение.

В целом, диссертационное исследование Д. А. Оксамитной оставляет очень хорошее впечатление и читается с интересом. Автору удалось охарактеризовать все важнейшие явления и связи, делавшие императорский двор Екатерины II одновременно и формальным институтом власти, и неформальным сообществом, «центром сборки» верхнего слоя российской государственной элиты. Работа, в принципе, подтверждает и еще одну важную функцию русского двора как системы, ставившей в определенные рамки самодержавную волю государыни, что отмечал еще в 1970-х г. американский историк-русист Д. Ранселл: «... теоретически безграничная власть российской автократии была по факту узко очерчена» (эта цитата приведена на с. 164). Впрочем, возможно, что такая ситуация была в наибольшей степени свойственна *именно двору Екатерины*, поскольку последняя в течение почти всего своего царствования вынуждена была явно или имплицитно доказывать легитимность своего пребывания на престоле, а значит и вести себя без излишне резких проявлений самовластья. Да и сам характер и жизненные установки императрицы демонстрировали ее склонность к учету чужих мнений и умение, скорее, манипулировать ими, чем жестко противостоять.

Существенных недостатков в диссертации нами не выявлено. Кроме двух, высказанных выше, дискуссионных мнений (о структурировании первой главы и об оценке удаления от двора как фактора, ставившего крест на дальнейшем политическом влиянии), мы бы еще отметили полное отсутствие каких-либо характеристик использованных архивных источников. Особенно досадно, что читателю остается неизвестным ни состав, ни содержательная оценка документов из фондов РГВИА – самого большого по объему комплекса неопубликованных источников, привлеченных для работы над диссертацией. Вместо этого автор ограничилась констатацией того, что эти материалы «были изучены» (с. 26). К сожалению, интересный текст диссертации явно не прошел корректурной правки (может быть поэтому, в том числе, фамилия Меншиков – когда речь идет в нескольких местах о потомках легендарного фаворита – пишется с мягким знаком в середине). Хотелось бы, чтобы в будущем диссертантка внимательнее относилась к специальной источниковедческой терминологии: что, например, следует понимать под «бумагами

императорского двора»? Это аутентичное делопроизводственное видовое определение? Или это просторечный вариант «документации императорского двора» как разновидности источников канцелярского происхождения? Но, повторим, все эти замечания имеют очевидный второстепенный или даже третьестепенный характер и не мешают оценить работу, проделанную Д. А. Оксамитной, на самом высоком уровне.

Диссертация Д. А. Оксамитной – яркое, творческое исследование важной научно-исторической проблемы. Она является самостоятельным завершённым исследованием, выполненным на уровне современного научного знания, отличается новизной, существенно расширяет наши представления об организации российской императорской власти в лице одного из ее ключевых институтов. Основное содержание диссертации отражено в 5 публикациях автора (в т.ч. – в 3-х, опубликованных в рецензируемых журналах, входящих в Перечень ВАК) и автореферате.

Диссертация Д. А. Оксамитной полностью соответствует требованиям, предъявляемым действующим «Положением о присуждении ученых степеней» ВАК к кандидатским диссертациям по специальности 5.6.1. Отечественная история, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, доцентом, главным научным сотрудником Центра социальной истории Дмитрием Алексеевичем Рединым и утвержден на заседании Центра социальной истории Института истории и археологии УрО РАН, протокол № 2 от 15 апреля 2026 г.

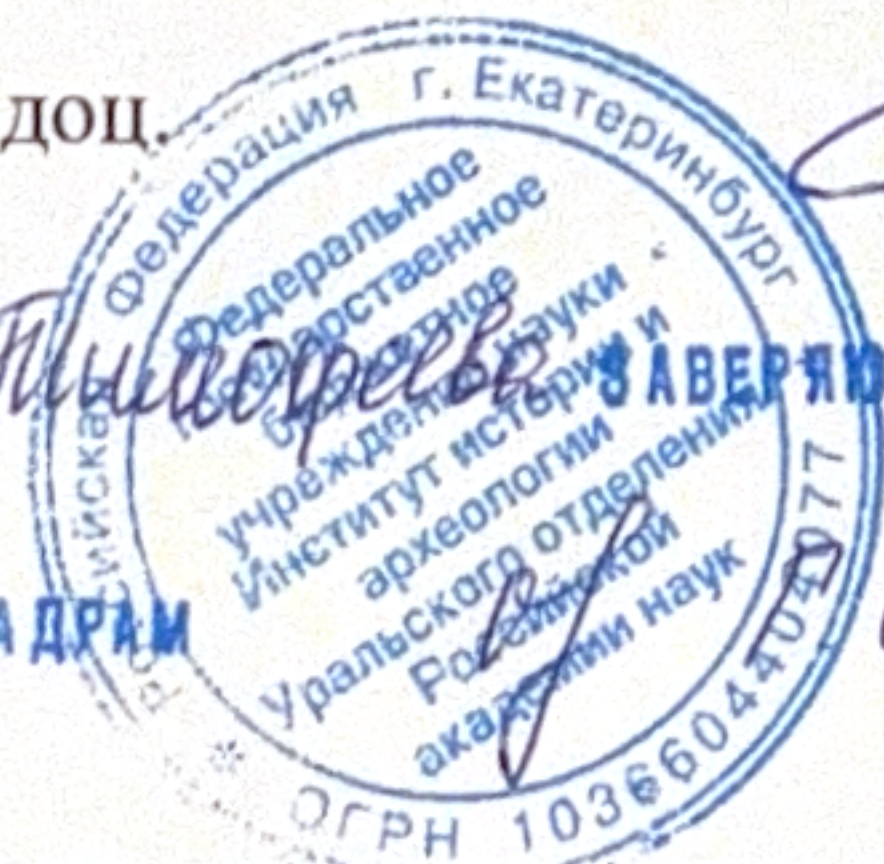
Заведующий Центром социальной истории,

д-р ист. наук, доц.

Дмитрий Владимирович Тимофеев

Подпись *Д. В. Тимофеев*

Специалист по кадрам

С. Обвинцева

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук».

620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д.16

www.ihist.uran.ru

e-mail: ia-history@mail.ru

тел.: (343)374-53-40